

18+ Юрий Иванников

Шел солдат...

Юрий Иванович Иванников

Шел солдат...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385477

ISBN 9785449831712

Аннотация

Все произведения автора дышат добром к людям, любовью к природе. В своей книге Юрий описывает различные случаи из своего детства и юности, философские размышления об отношении людей друг к другу, к жизни, к Богу... В своих произведениях автор пишет о том, чего мы в обыденной жизни не видим, не замечаем. О красоте и радости просто жить и уметь радоваться всему, что происходит в этой жизни. А насколько вы цените каждую секунду или день прожитой жизни? А вы часто видите красоту в чем-то обыденном?

Содержание

Шел солдат...	5
Короткая поездка на родину	20
Детство на Савале	33
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Шел солдат...

Юрий Иванович Иванников

© Юрий Иванович Иванников, 2020

ISBN 978-5-4498-3171-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шел солдат...

Василий Федорович проснулся рано, не было еще и шести часов. Он привык подниматься рано, но сегодня день был особенный. Василий Федорович давно собирался в эту поездку, почитай, уже больше тридцати лет.

Марта встрепенулась рядом, сон ее был чутким и тревожным.

– Вася, может, все-таки не поедешь?

– Надо. Нельзя по-другому.

Василий натянул темные брюки, надел любимый поношенный серый свитер, сверху – темно-зеленую куртку, обул разношенные ботинки. В дорогу – самое то. Закинул за спину котомку. Все, что надо, было собрано еще с вечера.

– Ну, прощевай.

Он не увидел, как Марта пытается подавить слезы, как ничего у нее не получается.

Василий быстро зашагал по пыльной грунтовой дороге. От деревни Лапутьки до Горностайполя час ходьбы. Там была автобусная остановка. Можно, конечно, попросить соседа Федора, он бы подвез на своем стареньком Москвиче. Но Василий не хотел тревожить соседа, зачем будить, да и не то настроение.

Через час Василий Федорович уже ехал в ПАЗике в направлении Киева, а еще через час был на Киевском желез-

нодорожном вокзале.

Пассажиров было много. Они сидели, ходили, ели, разговаривали, сновали туда-сюда. Василий Федорович ни с кем не заводил разговора. Он занял очередь в билетную кассу, отстоял минут сорок и купил плацкартный билет на поезд Киев – Воронеж.

Через полтора часа он уже сидел в плацкартном купе, вагон быстро заполнялся пассажирами. Еще через полчаса поезд тронулся и, медленно набирая ход, выехал из города. За окном то открывались хлебные поля, то путь вдруг пересекала речка, то проплывал зеленый пролесок. Пассажиры оживились, начали знакомиться, пить чай, доставать продукты, приготовленные в дорогу, стелить постель. От титана потянуло дымком, проводник затопил печку.

Василий Федорович не принимал участие в общей суете. Он сидел, смотрел в окно и вспоминал...

И вовсе он был не Василий Федорович, звали его Егор. Он вроде уже и привык к нынешнему своему имени, к этой новой жизни. Но недаром говорят: «Прошлого не сотрешь». Выпало в его жизни как-то все вверх тормашками, и вот ехал он теперь из новой, теперешней его жизни в прошлую, из которой он исчез 32 года назад. Как бы в протест нашумевшей песне: «Ветер ли старое имя развеял, нет мне дороги в мой брошенный край...»

Ему вспомнилась молодость, его прежняя жена Настя, домик в довоенной деревне Старое Макарово, его три дочери:

Маня, Анечка и совсем маленькая Валюшка. Он устроился тогда работать в пожарку, пожарные тогда были вместе с милицией в одной структуре. У него была лошадь, бочка с водой. Эта работа помогала в то время его семье жить справно, селяне вокруг жили очень бедно. Революция, коллективизация, создание колхозов, раскулачивание – все это привело к крайней бедности, практически к нищете. Егору удавалось свести концы с концами, это все-таки была государственная служба.

Он вспомнил, как-то пришел с работы и сказал жене:

– Настя, я буду вступать в партию.

Ожидал, конечно, поддержки. Думал, может жена даже обрадуется. Ведь партийным тогда открывались все пути. И увидел вдруг поджатые губы.

– Мне эта партия не по душе. Выбирай: или я, или партия.

Егор брал Настю из состоятельной семьи. Она говорила об этом так:

– У моего тяти было две лошади. А спины такие, что стоять на них можно.

Егор не стал перечить. Сам он был – голытьба перекатная, было их пять братьев и сестра и нужда не покидала семью.

У Егора было подозрение, что с этого момента и пошло все наперекосяк.

Как-то Иван Никифорович, начальник, вызвал Егора к себе:

– Егор, дашь Сальниковым лошадь вспахать огород.

– Иван Никифорович, да ведь не положено, время-то какое строгое.

– Не бойсь, если вдруг штраф, перекрою, заплачу.

Вышел не штраф, а показательный суд. Егор получил полтора года тюрьмы за использование государственной лошади в частных целях. Иван Никифорович, конечно, промолчал на суде. Да и много было тогда таких историй.

Вспомнил он, как сидел в КПЗ со своим земляком, Федотом. Того тогда тоже за что-то загребли.

– Егор, это не случайно все. Разнарядка пришла на село, чтобы было осуждено за эти полгода пять человек от деревни. Похоже, подставил тебя твой начальник.

– Вот как она, партия, обернулась, – думал Егор.

А потом тюрьма, из которой путь – в штрафную роту. Это значит – под пули, в начале войны не жалели и обычных солдат, а тем более штрафников.

– Мужчина, ну что же вы все время сидите и молчите, все о чем-то думаете? Смотрите, ведь день уж на закат, а вы не кушали, даже чаю не попили!

Женщина лет 40—45, сидевшая напротив, отвлекла Василия Федоровича.

– Ах, да, да, конечно...

Василий Федорович достал из котомки газетку, постелил на край столика, потом и свою нехитрую провизию – кусок хлеба, варёное вкрутую яйцо, несколько кусочков сала.

– А хотите, я закажу вам чаю у проводника, я все равно

иду в ту сторону.

– Да, закажите, пожалуйста, если нетрудно.

Война.

Все, что испытал Егор за эти два года, можно назвать одним словом – лихо. Егор не хотел ничего вспоминать из войны, кажется, не было там ни единой хорошей минуты. Штрафников, бывших заключенных, всё время бросали под пули.

Егор вспомнил форсирование Днепра – жертв было столько, что вода становилась красной от крови.

Как-то нелепо все тогда получилось – в октябре 43-го. Егор вроде был и осторожным солдатом, два года провоевал в страшном аду и сумел сберечь свою голову. Но не в этот раз.

В этот раз Егору не повезло. От разорвавшегося недалеко снаряда он получил страшнейшую контузию, многочисленные осколочные ранения. Его рота участвовала в наступлении, и Егора посчитали мертвым. Все стремительно перемещалось: военные, штабы, госпиталя.

Его подобрала Марта, 32-летняя женщина из малюсенькой деревушки Лапутьки. С большим трудом Марта перетащила раненого из садика в хату. Вокруг бушевала страшнейшая бомбёжка, головы было не поднять, всё ползком.

Марта была из так называемых русских немцев. Одинокая, она со страхом переносила эти два года. Ничего хорошего не было от её национальности. Её не успели переправить

на восток страны, как поступали с другими русскими немцами, территория Киевской области была занята фашистами стремительно. Но и от немцев Марта скрывалась, не верила, что может получить от них доброе. Благо, что деревенька, где она жила, была маленькой и глухой.

Долгих три месяца Марта ухаживала за Егором. Очень болела голова, долго заживали раны. Госпиталя поблизости не было, и Марте приходилось делать все самой. Егор то впадал в беспамятство, то опять приходил в себя. Из сбивчивой речи Марта поняла, что Егор был ранее осужден.

За это время войска ушли далеко вперед. Егор оказался в трудной ситуации, его отсутствие в войсках и госпитале могли трактовать как дезертирство, а значит еще 10 лет тюрьмы, а может и высшая мера.

– Я придумала. Я помогу.

Марта все старалась сделать для Егора, ей очень понравился раненый солдат. Она куда-то исчезла из дома, вернулась, может, через несколько часов.. В руках у неё были документы на Калинина Василия Фёдоровича, 42-х лет, рядового, уроженца Пензенской области, холостяка. Только отсутствовало фото.

– Там, в лесочке, убитый солдат. Я его раньше заметила. Я положила ему в карман твои документы.

– Так ведь фото, все равно поймут, что это не я.

– Я пробурила дырку в том месте, где фото и в гимнастерке. Да его, может, никто и не найдет. Придется мне самой

похоронить.

– Что же ты наделала, Марта!

Егор схватился за голову, страшная боль прострелила череп.

– Лежи уж, вояка. Всё равно с твоими документами тебе только тюрьма. Ты забыл, в какой стране ты живешь? Лежи. Потом, может, что-нибудь придумаем. Сейчас так лучше, поверь.

Василий Фёдорович попил чай, отнёс стакан проводнице, постелил постель на верхней полке.

Женщина, соседка по купе, предложила поменяться, видя перед собой немолодого, 70-летнего, абсолютно седого мужчину.

– Нет, ничего, я справлюсь, я могу еще спать на верхней полке, спасибо.

Не спалось.

Документы Марта потом поменяла. Она была толковая женщина. В Горностайполе жили большей частью евреи, и Марта, тоже не украинка и не русская, умела договориться, а где надо, и приплатить.

Как же болела душа у Егора в первые годы, когда он понял, что его жизнь навсегда теперь отрезана от семьи, от его Настюши, от дочурок. Сердце разрывалось от боли: «Как они там?» Особенно тяжело было, когда наступал очередной День Победы. Вокруг все радовались, ликовали. И только Егор был мрачнее тучи. Марта все понимала, но молчала,

терпела, всячески старалась угодить ему в эти минуты.

Однажды, прошло, наверно, лет двадцать, Егор не выдержал, пошел на почту и дал телеграмму: «Поздравляю Мордасову Анастасию Яковлевну и всё семейство с праздником. Мордасов.» Он не знал, что там было, в его родной деревне, как поняли эту телеграмму.

А через две недели Марта шепотом рассказала, что дошли слухи, что в райвоенкомат пришел запрос по поводу Мордасова Егора Макаровича.

– И что?

– Райвоенкомат отписал, что Мордасов Егор Макарович, рядовой, погиб 11 октября 1943 года и похоронен в деревне Лапутьки Киевской области. Того солдата все-таки нашли и похоронили в братской могиле.

К утру Василия Федоровича все-таки сморил сон.

В Воронеж поезд прибыл на другой день к вечеру. На вокзале Василий Федорович справился у дежурного, где здесь недалеко можно переночевать. Ему ответили, что можно в гостинице в Воронеже, есть недалеко. Можно сидеть на вокзале. Есть еще комната для ночлега персонала, есть свободные койки. Если мужчина хочет, то надо заплатить 1 рубль 20 копеек за ночлег.

Ночевал Василий Федорович в комнате машинистов. Ночь опять плохо спал. А утром он перебрался на автовокзал и первым рейсом уже ехал в Листопадовку – так теперь называлась его родная деревня.

Когда подъезжал, сердце сжималось от боли – это был его малый мир, в котором он родился, рос, который никогда не думал покидать, и который был для него совершенно недоступен.

Он сошел с автобуса, место вокруг было неузнаваемо – появились новые магазины, почта. Тихонечко пошел к родному дому. Идти было недалеко, минут 15, прямо по дороге. Осторожничал. Зашел на крылечко во втором от края доме, постучал щеколдой. Вышла женщина лет 35-ти, посмотрела озабоченно. «Незнакомая», – отметил Егор. Видно, из приезжих, это хорошо.

Егор боялся встретить кого-нибудь из соседей, боялся быть узнанным. Хотя теперь в этом старичке вряд ли было узнать молодого лихого Егора.

– Здравствуй, хозяйюшка, не дашь водички попить?

– Присаживайся, дедушка, сейчас вынесу.

Женщина скрылась за дверью. Через минуту появилась обратно с кружкой прохладной воды.

– Куда путь держите?

– Да я проездом. Хотел узнать вот про семью Мордасовой Анастасии Яковлевны, она раньше здесь жила?

– Знаю конечно. Только теперь они тут не живут. У неё умерла сестра в День Победы, 9 мая 1945 года. Остался мальчик Витюшка, лет 10. Взяла его на воспитание. А потом и переехала в их дом, в дом сестры. Это на третьем порядке, как свернете метров 100 надо пройти. Да там и спросите. А дом

они продали на слом. Там теперь ничего нет.

– Спасибо, хозяйюшка, добрая ты.

– Да не за что. Может покушаете у нас, дедуля?

– Да нет, спасибо. Водички испил – и то хорошо.

Егор вышел с крыльца и потихонечку пошел к своему дому. Вернее, это было то место, где раньше стоял его дом. Оно было пустое, видно дом разобрали на бревна и вывезли... Только высокая берёзка да куст калины остались от того времени. У Егора набежали слёзы, он никак не мог с ними справиться. Впрочем, заторопился, повернул обратно. Вернулся из своего Конёнкова уголка к улице, свернул на третий порядок, так все называли улицу Пионерскую. Вот уже поравнялся с домом, где должна теперь жить Настя. Дом был в одну комнату, с сенями под шифером, обитый шалевочным металлом, крашенный в светло синий цвет. Окна были забиты крест-накрест досками. «Неужели умерла? Почему здесь никто не живёт? Но ведь женщина ничего не сказала, должна бы знать. В деревне все слухи облетают быстро», – думал Егор.

Задерживаться у дома не стал, пошел дальше по улице, которая потом раздваивалась. Свернул на «широкий». Так называлась эта часть улицы, Егор уже не помнил названия.

Он снова постучал в чей-то дом. Вышел мужчина.

– Чего вы хотите, мужчина?

– Я проездом, хотел узнать про семью Мордасовой Анастасии, она вроде бы жила на этой улице? Я их дальний зна-

КОМЫЙ.

– Настя? Знаю, конечно! Да она ведь у дочери живет у старшей, у Маши. Лет в 60 она к дочери и переселилась. Как младшая её Валя померла, так она и ушла.

Лицо Егора побледнело, тяжело узнать о смерти дочери.

– Почему умерла?

– Болела долго. Туберкулез костей у неё был. Не умели этого лечить. Года в 24 умерла.

– Да, жалко. А муж – то у нее кто теперь? Муж-то что, тоже там живёт?

– Да нет у неё мужа. Так всю жизнь и ждёт своего Егора с войны, не верит, что погиб. Было извещение ей, что без вести пропал. Дочка-то её на первой улице живет, на Плыновке, посередине между Дубовкой и центром.

– Ну, спасибо, пора мне.

Егор тяжело зашагал дальше по «широкому». Улица спускалась вниз, к логу, дорога выходила на плотину. Справа от неё находился пруд, слева – глубокий овраг. Егор все шёл и шёл, грустно было у него на душе. Потихоньку дорога привела его к Сельскому Совету. Здание было новое, недавно отстроенное. Да и место это было мало узнаваемое. И только парк был Егору знаком, он помнил, как их служба участвовала в его посадке на субботнике.

Егор пришёл вглубь парка, присел на лавочку у танцплощадки. Рядом присела немолодая женщина лет 60-ти.

– Что-то гляжу на тебя, а признать не могу? Вроде и лицо

знакомое, а не вспомню.

– Да и не вспомнишь. Нездешний я, проездом. Хочу вот справиться о знакомых. Ты что-нибудь слышала о Мордасовой Анастасии?

– Мордасова? Да знаю. Это которая вдова с войны? Так и прожила одна, горемыка. У дочери живёт, у Мани. Трое внуков у неё – Валя, Люба да Толик. Валя-то недавно вышла замуж. А другая дочь – Нюра, в Дубовке, на той же улице живет. Да несчастье у той, мужа парализовало. Деток-то трое, трудно ей приходится. Да ты иди к ним, от них всё и узнаешь.

– Спасибо, времени у меня только мало остается.

Егор тяжело поднялся и пошёл тихонько дальше. Он прошёл мимо старого здания больницы, в котором, видно было, еще вели приём врачи, толпились в ожидании люди, сидели на скамейке. Егор все шел и шел, слева он узнал старое здание, которое называли «Динамо», в него все несли продукты для сдачи налога в натуральной форме.

Дальше Егор свернул в переулок и вышел на первый порядок, т.е. улицу Советскую. Около крайнего дома стояла женщина.

– А где тут живёт Мордасова Настя? Она вроде живёт у дочери Маши?

– Так вам Мордасову Марию?

– Да нет, у Маши должна быть другая фамилия.

– Да нет, не другая. Вы какой-то древний, ничего не знаете? Ведь Маша вышла замуж за Шурика, он ведь тоже Мор-

дасов. Да вон их дом, с той стороны. Пройдет пять домов, а их – шестой.

– Спасибо, я пойду.

И вот уже стоит он против дома, смотрит в окна, там, где-то в глубине жена его, Настасья, его дочка, Маня, да и вся семья, его, Егора семья. Тяжело вздохнул, посмотрел еще немного, повесил голову и медленно побрел дальше, уже не поднимая головы, не смотря больше на дома, на проплывающие мимо яблони и вишни, кусты смородины и клумбы с цветами.

Если бы теперь его спросили, что он заметил за это время, пока шел до асфальта, до здания начальной школы, устроенной в старом поповском доме с тремя тополями у дороги, Егор вряд ли бы что ответил. Он перешел через асфальтированную дорогу, по которой приехал из Воронежа, прошел немного еще и свернул на школьную спортивную площадку. Там он присел на лавочку, ноги его совсем уже не шли.

День потихоньку склонялся к вечеру. Недалеко играли мальчишки.

– Ребята, вы не знаете, где тут недалеко живет Анна, я её фамилию теперь не знаю, но в девичестве она была Мордасова, а её мама Анастасия Яковлевна?

– Бабка Наська? Так это вы, наверно, об Иванниковых говорите? Так их дом на той стороне, видите синее крыльцо, да две маленькие березки?

– Спасибо, ребята.

Егор вышел с площадки, остановился и долго смотрел на синий дом с красной крышей и голубым крыльцом. И вдруг дверь открылась, из неё вышли два мальчика, светлый и темненький, а за ними женщина.

Нюра? Егор присмотрелся и узнал в ней свою любимую дочку, Анечку. Слезы застлали его глаза, заморгал часто.

– Поиграйте часик, да потом домой, еще по хозяйству надо убраться.

– Ладно, мам, через час буду

Отозвался мальчик со светлыми волосами. Дверь захлопнулась. Мальчишки её быстро направились на площадку, проскочили мимо.

И вдруг Егор в светлом мальчике узнал самого себя. Он как две капли воды был похож на него, Егора, только в детстве. Когда он тоже был только десятилетним мальчиком.

Егор тяжело опустился на скамейку. Слезы уже неостановочно катились из его глаз.

Мальчишки, увидев, что с дедом что-то не так, подбежали обратно.

– Дедушка, вам плохо? Может за врачом сбегать, он тут недалеко?

– Нет-нет, ничего. Уже всё прошло. Егор еще посидел минут десять, посмотрел долгим взглядом вокруг, как бы стараясь навсегда запечатлеть в своих глазах, а может и в своей душе эту картинку. Потом тяжело поднялся и зашагал в сторону автобусной остановки. В этой жизни ему больше не бы-

ло места.

Короткая поездка на родину

Я так и не смог избавиться от этого ощущения – ощущения счастья в душе, когда попадал в родную деревню. Теперь это стало получаться очень редко, виной тому определённые обстоятельства.

Хотя могилы предков, мамы и отца, близких родственников, тянут чаще, и как-то испытываешь потом неудобство – надо бы раньше приехать. И непонятно, перед кем неудобство, тех, с кем жил, рос, провёл юность, уже и не встретишь, и соседей тех нет. Наверное, перед своей совестью. Но тянут, тянут могилы предков.

В этот раз ехали поздно, день в декабре совсем короткий – не успеет начаться, как уже набегают сумерки. Зима в этом году выдалась ранняя, ещё с ноября выпал снег и всё заморозило, ехали, и только белели по бокам дороги полоски снега, отчего ехать было легче, не так темно.

И конечно первое и главное:

– Когда будем заходить к маме на могилку? – первая подала голос сестра Наташа.

– Конечно, сразу, как подъедем, я ведь купил для мамы розы, а они до завтра потеряют свежесть, их обязательно надо положить сегодня. Брат Володя отличался безупречной логикой.

– Кто же бродит ночью по кладбищу, в темноте-то, – На-

таша была старшей, и её слово обычно было авторитетным. А розы можно поставить в воду, ничего с ними не будет.

Я не вмешивался в разговор старших, хотя мне тоже, конечно, хотелось сразу с дороги попасть на кладбище. Я не был в деревне 2 года, и соскучился, и испытывал неудобство, что так долго не посещал маму. Она для меня была словно бы живая, и всё время присутствовало ощущение, что надо приезжать чаще, как и к живой.

Такого чувства почему-то не было по отношению к отцу – он всё-таки был мужчина, да и похоронили его на много лет раньше. Почему-то не хочется произносить это слово – «был», души вроде бы не умирают...

То, что темно, нас с братом не пугало, всё-таки мы мужчины. И всё-таки решили, что завтра. Сейчас ночь, темно, снежно, лезть придётся по глубокому снегу, в общем, пожалели нашу женскую часть, а с нами была ещё и моя дочь Тоня.

Всё в этот раз было иначе. Раньше мы проезжали по асфальту вдоль края села, а потом уже сползали с насыпи и через огород, в промежутке между картофельным полем и травяным лугом нашего покойного брата Толика, по грунтовой дороге проезжали к нашим родственникам, пересекая ещё сельскую улицу.

Теперь же можно было проехать прямо по улице, по нашему «первому порядку», дорогу сровняли и прочистили бульдозером, как во времена нашего детства, и от этого поче-

му-то было приятно.

Машина наша бежала легко и нигде не задерживалась. Дома по сторонам улицы, правда, были не очень видны, да мы уже и не очень помнили, кто в них живёт, а ведь раньше знали, и теперь гадали, но в темноте было не разобрать, а освещение на улицах уже много лет не работало.

Видно было только, что дома как-то постарели, как будто «нахохлились», в них не было уже видно лоска частых ремонтов, свежих красок, да и вообще новых домов, недавно отстроенных, мы не увидели. Видно, совсем было плохо здесь с молодыми семейными парами.

И вот уже наше авто останавливается возле дома, который теперь стал для нас родным, дома нашей двоюродной сестры Любы.

Они, конечно, нас уже ждали, Люба и её муж Толик, Маниюхины. Когда бы мы ни приезжали, не было ни одного случая, чтобы они находились в доме. Чаще всего Толик видел нас издалека, и, словно чувствовал, выходил через огороды прямо к асфальту, к машине.

Теперь обнимались, радость заполнила наши души. Я заглянул Любе в глаза и меня словно залило счастье из этих глаз, я почувствовал, что она вот-вот заплачет. И она только крепко обнимала меня и не хотела отпускать. Мы всегда чувствовали эту какую-то необыкновенную горячую родственную любовь Любы и Толика, теперь такой, мне кажется, редко встретишь и между родными братьями или сёстрами.

– Ну, чего ты стоишь, провожай гостей в дом, ведь зима, люди с дороги – Люба обращалась к мужу, всем своим поведением, взглядом она излучала радушие, приветливость, радость. Толик засуетился, пропустил всех нас в дверь в сенцы, а потом в комнату, которая служила кухней.

В доме было 4 комнаты. Первоначально был обычный пятистенок, на 2 комнаты, но потом, как и в любой семье, хотелось перемен, простора, и Толик пристроил ещё 2 комнаты со двора, дом теперь был очень просторным.

Толик был человеком необыкновенного трудолюбия, всё ладилось в его руках, за что он ни брался. Так, ещё молодым он срубил во дворе небольшую, но очень уютную, прекрасную баньку. Ещё мальчишками, чаще всего с мамой, мы приходили в гости, в баню помыться, обязательно нас кормили ужином и привечали каждый раз как самых дорогих гостей. Тут, у Любы с Толиком, жила и тётя Маруся, сестра нашей мамы, после того, как её муж, дядя Саша, умер в возрасте 60 лет, получив за свою жизнь одну только пенсию.

О баньке хотелось рассказать особо. Была она деревянная, рубленая, с небольшой раздевалкой и непосредственно парилкой. Перед раздевалкой – топочная. Внутри парилки – котёл с водой и труба металлическая – через всю баню и вверх навывлет. Прямо по входу – помост, на который ложились непосредственно пропариться. Справа – лавка, на которой стояли вёдра, тазы, ковши, чтобы наводить воду, мыться – всё очень просто.

Шли обычно втроём – я, мой брат Вовка, и хозяин Толик. Перво-наперво выливали на бак жигулёвское пиво. Раньше его делали не из химии, а из настоящего пивоваренного ячменя. По баньке распространялся необыкновенный какой-то хлебный запах. Вода в котле начинала закипать, а мы начинали покрываться первым банным потом. Володя брал веник, а запасали обычно дубовые и берёзовые, и начинал разгонять воздух по парилке, чтобы он становился равномерным.

Я был не любитель самого жаркого пара, поэтому на полок меня отправляли первым. Ноги при этом оказывались у самой трубы. Вот тут и начиналось настоящее банное счастье. Толик на правах хозяина брал замоченный дубовый веник и начинал потихонечку им шевелить над моей спиной. Запах дубовых листьев расплывался по баньке, слегка щекоча ноздри. Температура была такая, что тело начинало как будто поджариваться. Потом Толик начинал слегка подхлёстывать, с прихлопом. К лицу во время парки подносили ковшик с холодной водой, чтобы легче было выдерживать.

Потом Вовка вторым веником проводил по спине с лёгким прижимом, стирая с тела весь накопившийся пот. Какое-то исключительное при этом чувствовалось мление. Потом прохлопывали ягодицы, икры ног, особенно пятки. При этом на котёл несколько раз брызгали для усиления пара.

А потом вдруг Вовка зачёрпывал холодной воды и неожиданно и резко обдавал ею меня, горячего и распаренного. Я сразу орал благим матом. Было ощущение, что сердце

при этом вылетало из тела, но слегка при этом остывал, успокаивался. Потом процедура обычно повторялась. И уже когда слегка сомлел, сползаешь с полки и выскакиваешь в прохладную раздевалку, садишься на полотенце, ноги в таз с тёплой водой. На теле прилипли несколько дубовых листочков, пар от тебя столбом. И в это время глоток прохладного пива – душа на небесах!

Вовка и Толик банились потом долго, основательно, я их температуру выдержать не мог. Но вот уже и они минут через 15—20 сидели в раздевалке, отдыхали. И разговор тогда вёлся простецкий, деревенский, мужицкий. И никакой-то в нём фальши, души делаются по-деревенски открытыми, искренними, простота во всём.

И опять потом делали второй заход. Во второй раз тело уже закалено, дольше можешь выдержать пропаривание, лежишь уже с удовольствием, не напрягаясь. Только тело твоё испытывает счастье каждой своей клеточкой, каждая порочка в тебе открывается. Уж и запах от досок сосновых, ольховых, осиновых – проникает во все уголки не только баньки, но кажется, и твоей души.

Толик просит потом, чтоб Вовка после второй парилки сделал ему ещё массаж. Он – рыбак заядлый, рыбачит круглый год. Вот и прихватывает его порой радикулит. А банька-то, она всю хворь выгоняет. Долго ещё они возятся с массажем, кряхтят. А то опять обливаются холодной водой – температура-то в самый разгар выше 100 градусов.

...А когда на дворе много снега (так было как раз, когда я вернулся с армии), то мы любили прыгать после парилки в снег. Холода не чувствуешь, обжигает снег как будто, и на теле шипит и плавится.

После опять долго отдыхаем. Во всём теле такая лёгкость, как будто на свет родился, каждая клеточка дышит, наполняется прохладным воздухом предбанника. Потом моем голову – шампунь в баньке, даже очень простой, кажется невероятно душистым. Обычно наши деревенские родственники держат обычные, недорогие, Чистую линию – Хмель, Клевер, Берёзовый. В ванной дома они так не пахнут.

Толик, так тот даже тело и не намыливает.

– Зачем, говорит, пот-то с жиром уже весь смылся, кожа чистая!

Ну а после баньки – за стол. К баньке-то, да и к приезду нашему обычно и поросёночек прикалывался. Так получалось, да так оно и называлось – приезжали на печёнку. Наверное, это самое вкусное блюдо, когда жарят на свежем сале картошку, мясо, сало и печёнку, да ещё Люба лучка туда побольше подкрошит, да лаврового листика подбросит!

Уж тогда и первая стопочка наливалась – под печёночку. Шла и водочка наша привозная, и Вовкин коньячок, а потом дело, глядишь, доходило и до деревенского самогончика – дегустация! Хотя пили-то конечно понемногу, по-глоточку. Много-то нам городским не выпить. И вот что интересно: если пили самогон, голова утром никогда не болит,

хотя на вкус-то он – ну самогон и самогон!

А ещё Люба подавала нам квас, не окрошку, как сейчас принято, а деревенский квас. Он заправлялся варёным яичком, огурчиком да лучком, ну и пару ложек своей, деревенской сметаны – нет ничего вкусней. И куда уж тут нашим привозным гостинцам – колбасам, сырам да селёдкам – не выдерживали они перед деревенским угощением.

После ужина, перекуров долго ещё пили чай, с блинчиками, всякой всячиной чинёными. И долго ещё шёл разговор деревенский, неторопливый, о жизни в селе, в городе, об ушедших родственниках, и потом, по душе, обо всём, что накопилось. Люба и Наташа, моя сестра, могли проговорить иногда и целую ночь до утра – так наскучивались.

А потом среди ночи выскочишь во двор, до ветру – туалет-то во дворе. А воздух такой – что как будто пьёшь его и напиться не можешь. А звёзды огромные, яркие, во всё небо – никогда не увидишь в городе таких звёзд! Вздохнёшь и почувствуешь в самой глубине своей души такое неизъяснимое счастье! И любишь тогда и людей всех вокруг, и мир этот прекрасный, и душа поёт.

Утром встаём по-разному. Деревенские раньше, так у них заведено. Мы, городские взрослые, через часик, а дети наши, хоть и выросшие уже, могут поваляться и до 10—11 часов.

И тут первое дело – опять утренний чай. Хотя погодите... Утро начинается с уговариваний:

– Ну Люб, ну сто грамм плесни!

– Угомонись, алкоголик, вчера ведь всё вытрескали!

– Люб, ну у тебя же есть, я же знаю! Хорошая ты моя!

– Вот так и жениться уговорил. Ну иди, прорва, налью, но только стопочку и больше не спрашивай!

– Вот за что я тебя всю жизнь люблю! Дай поцелую!

– Уйди, паразит! Вот твоя стопочка, а то отберу!

Вот под такую музыку слов мы просыпаемся и уже умывшись, садимся пить чай. Есть-то особенно не хочется – с вечера перекормленные.

Появилась правда в деревне последняя городская мода – утром Люба предложила овсяную кашу на деревенском молочке – вкусная! Отведали все понемногу.

Чаще всего в гостях больше одной ночи не гостили. Но в этот раз сразу домой не уехали – захотелось нам с Володей навестить нашу любимую учительницу Клавдию Михайловну. Так уж получилось, она не была нам обоим классной руководительницей, но в деревне ехали мы всегда именно к ней – любили её очень ещё с школьных лет. В прошлый наш приезд мы не застали нашу учительницу, уезжала она к дочери своей в Калугу.

Горе у неё случилось – похоронила она дочку. Остались только взрослые внуки.

В этот раз тоже переживали – вдруг не застанем. Но нет, как только наша машина подъехала к дому, дверь открылась – и вот уже на крылечке – добрые и любящие глаза. Где мне взять такую ручку, она наверное должна быть с золотым

пером, чтобы описать наше доброе отношение, нашу любовь к этой старенькой учительнице.

– Ребята, проходите, да ведь у меня не убрано, не ждала я.

– Да нам это ничего не нужно, только бы посидеть, поговорить, на вас порадоваться.

И вот уже разговор заходит о химии, любимом предмете нашей учительницы. Вот уже Володя и Клавдия Михайловна начинают сыпать формулами и правилами. Я как-то уже не помню из химии, но у остальных двоих – ясные умы.

– Клавдия Михайловна, Да сколько же вам лет?

– Мне 81 год, а работала я до 74 лет, раньше не отпускали, всё уговаривали поработать. Да и теперь учителя звонят мне иногда, молодые, не могут разобраться, помогаю. Выгляжу уже старо, в зеркало не люблю смотреть.

– Для нас вы такая же, как и в школе, когда учили нас уму-разуму!

И мне вспоминается необыкновенное качество моей любимой учительницы – справедливость. Она никогда не делила детей на хороших и плохо успевающих – как-то все были вовлечены у неё в учебный процесс. И это даже нельзя так называть – учебный процесс, все были вовлечены в более широкую и глобальную сущность – школьную жизнь, когда общение учеников с учителем не прекращается с окончанием уроков.

С Клавдией Михайловной всегда было интересно – и когда отправляли нас вместе с ней на сельхозработы. Как-то

пришлось убирать даже маковое поле – о наркотиках тогда никто не слышал.

Помню, я как-то написал ей даже письмо из института, уже будучи студентом, грустное письмо. Не заладились у меня тогда отношения с одной девочкой, понравилась она мне, но взаимности я не получил.

И вдруг Клавдия Михайловна говорит:

– А знаешь, Юр, у меня ведь твоё письмо цело. Я иногда читаю его своим внукам.

Мне очень было трогательно услышать это, ведь прошло более 30 лет!

Но постеснялся попросить почитать его ещё раз, не захотел ворошить прошлое.

Вспомнилось, как-то Клавдия Михайловна говорит своим ученикам:

– А хотите, я покажу вам реактивы, которыми можно сделать взрыв прямо в консервной банке.

– Давайте, конечно, – вступил один из мальчишек.

– Мы может тогда сможем и школу взорвать!

– Ну нет, наверно вам всё-таки не буду показывать.

И вот уже на выпускном, взрослые уже:

– И всё-таки, Клавдия Михайловна, расскажите, какими реактивами можно взорвать школу? – Вот было смеху!

– Ребята, да я же вас угостить чем-нибудь должна! Мы дружно отказываемся – да у нас всё есть!

– А у меня деликатес – земляничное варенье!

– Так ведь у вас внучки, у них семьи, наверное, правнуки и правнучки.

– Да знаете, ребята, никто за весь последующий год у меня никаких гостинцев не возьмёт. У внучек-то всё у самих запасено, а больше у меня никого и не бывает.

Клавдия Михайловна открывает доски в полу и достаёт из неглубокого подвала пять баночек, потом, покачав головой, ещё парочку с вареньями и салатами. Нам неудобно брать, хоть мы и тоже пришли не с пустыми руками.

– Да вот возьмите ещё и тыкву – мёденная, кашу-то небось варите. Юра, бери, у тебя ж большая семья.

– А где вы берёте землянику, кто вам привозит?

– Сама. Сажусь на велосипед и еду к Поляне, за 3—5 км. Там и собираю, там она такая хорошая!

Нас прерывает телефонный звонок сестры Наташи:

– Ребята, нам ведь уезжать, а мы ещё не были у мамы на кладбище.

И вот опять уже стоим на крыльце, смотрим в глаза – свидимся ли ещё? Как это бывает странно, что начинаешь любить человека, не родственника, не соседа, а просто вот так столкнула судьба в одной школе – и на всю жизнь!

...Вот мы уже на кладбище.

Ну, здравствуй, мама! Вот мы и опять с тобой, все трое, вся наша семья опять в сборе...

С красивого ажурного крестика, сваренного нашим старшим зятем Сергеем, смотрит на нас улыбающееся лицо на-

шей мамы. В жизни она улыбалась мало – растила нас троих с отцом-инвалидом. А теперь словно хотела вылить на нас всю доброту из ласковых улыбающихся глаз.

– Ну, как ты там без нас, как тебе живётся там? – Наташа всегда разговаривала с мамой как с живой. Пронзительно хотелось плакать, что нет её больше с нами, нашей дорогой мамы, которая отдала нам всю свою жизнь, своим детям, до последнего дыхания, чтобы только втолкнуть нас в жизнь, в город, дать образование...

Мы с Володей жадно курим.

– Ну, ты там дружи со всеми, кто уже там с тобой! Да не зови нас, рано нам ещё, не все дела поделали на этой земле.

Володя ставил розы прямо в белый снег, и они алым пятном украшали могилу.

Могилы остальных родственников решили не обходить, снег уже был глубокий, выпал недавно, и дорожек между рядами могил не было. К остальным пообещались приехать весной, к пасхе, как это и заведено в нашей Листопадовке, да и во всей России, наверно, тоже.

И вот опять уже сидим в Володином форде, и он уносит нас всё дальше и дальше от родных истоков в нашу такую сумбурную, полную забот и тревог городскую жизнь.

Вот и всё.

Детство на Савале

Повесть

ЧАСТЬ 1. ДЕТСТВО. ДЕРЕВНЯ

Деревня, в которой я родился, это скорее большое село, называется Листопадовка. Она расположена – правильнее сказать – раскинулась на востоке Воронежской области. Раскинулась потому, что занимает во всем своем развернутом состоянии около 12 км. В лучшие времена в ней насчитывалось до 7—8 тыс. человек. Ранее наше село даже было районным центром, но позднее районы укрупнили и центр перешел в ПГТ Грибановский. Прежнее название села – Старое Макарово. Старое потому, что по соседству возникло еще и Новое Макарово, которое сохранило это название до сих пор.

Я родился в простой семье колхозников. Мой отец, Иванников Иван Иванович, работал комбайнером. На селе это почетная профессия, их труд – уборка урожая – как бы итожит работу тогда еще колхозов за все лето, и комбайнерам всегда старались создать хорошие условия. Да и к тому же они имели потом в году много дней свободными, а стаж все равно засчитывался за весь год.

Мама работала свекловичницей, как и многие женщины

у нас в деревне. Это тоже сезонная работа, поэтому мы, дети, в основном всегда были под хорошим присмотром.

Когда я родился, в нашей семье уже было двое детей – сестра Наташа 5,5 лет и брат Вовка – ему было 2,5 года. Потом мне сказали, что ждали девочку, но родился я. Неразбериха получилась с мужскими именами. Родители хотели, чтоб у них был сын Саша. Но первый мальчик, который родился после Наташи, его так и называли Сашей, прожил всего полгода. Он умер от коклюша, хотя и в то время его вроде бы и умели лечить, но факт остается фактом – мой первый и старший брат умер маленьким. Потом в течение всего детства один раз в год перед Пасхой я с мамой ходил и убирал могилки моих родственников, в том числе Саши, я всегда думал о нем в эти дни, что не пришлось пожить ему на этом свете...

Потом родился Вовка, и его не стали называть именем умершего брата – плохая примета. И потом родился я. Имя уже было назначено – Саша, но не тут-то было... Я родился 12 апреля – прошел всего год после того, как слетал в космос Гагарин. В принципе – это было самое значительное событие на земле в тот период, оно ещё не остыло, прошёл только год... В роддоме сказали – никаких Саш, будет Юра, Гагарин. Вот так с тех пор я и ношу свое имя и даже ассоциирую себя с космонавтами.

Однажды в детстве, мне было где-то лет 9, наверно, мне привезли из Москвы маленькую книжечку на цепочке, зо-

лотую, необыкновенную, а внутри на каждой страничке были фотографии всех космонавтов, которые до этого слетали в космос. Это было настоящее большое мальчишеское счастье!

Из раннего детства вспоминается мало. У нас был большой вишневый сад. А за ним небольшой лужок, где траву оставляли для покоса на сено. Первое впечатление детства – полевые цветы в траве – они казались необыкновенно красивыми и какими-то родными что ли и очень яркими, как ярким виделся и весь мир.

Второе воспоминание из глубокого детства – воспоминание о моем дедушке – Иване Кузьмиче. Когда он умер, мне было 1,5 года. Но как-то не стирается ощущение, что я запомнил картину с гробом, его месторасположение, скорбящих вокруг родственников. Может, мне просто так кажется, может, я это видел позже на фото, в те времена было принято фотографировать умерших. Мама говорила, что мой дед по отцовской линии был самый умный человек на свете. Он работал в Москве, на строительстве метро, часто помногу жил не в семье. А еще, он смог прочитать всю Библию, и для деревни это была редкость. Рассказывали, что когда к нему приводили меня и брата, он уже был болен, он говорил, что-бы оставили младшего, маленького, потому что старший везде лезет.

Его мама, бабушка Василиса, ее по-деревенски звали бабка Василиска, когда умирала, а моя мама была беременна

Володей, сокрушалась, что умрет и не увидит, продолжится ли род ее сына, моего деда. Для нее это было очень важно, важно, чтоб сохранялась фамилия.

Когда мой отец женился на маме, он привел ее жить к своим родителям, и там же родилась Наташа. Она была уже 11-ой в доме, было тесно, напряженно. И вот тогда мой дедушка всегда поддерживал мою маму.

Мне всегда грустно оттого, что в моем роду мужчины умирают очень рано, отец и дед умерли, не дожив до 60 лет. И юноши моего рода, которые вступают в жизнь, не могут иметь совета старших мужчин, а мне кажется это важно. Потому что и второй мой дедушка по матери, дед Егор, на которого, считают, что я очень похож, не вернулся с войны. Выходит так, что в моем детстве много грустных историй.

Но было и много хорошего, приятного. Где-то в три года я заимел себе отличного друга. Рядом с нашим домом жили Кузьмичевы, так звали их по-уличному. А если правильно, то наш сосед Михаил Кузьмич, по нему и пошло прозвище. Дядя Миша работал мельником, и это одна из самых уважаемых профессий на селе. Он и его жена тетя Клава воспитали 6 детей, воспитали хорошими людьми. Дядя Миша был хромой – инвалид детства, но очень строгих правил. Если тетя Клава подавала ему суп, то он всегда опускал в него палец, и суп был или слишком горяч, или недостаточно горяч. Тетя Клава всегда его слушалась, и даже мне кажется, немного боялась. Но надо было знать профессию мельника, день

мельница работала на нужды колхоза, а для людей до 2—3 часов ночи. Мучная пыль, которая набивалась в легкие... В общем, трудная профессия. Дядя Миша терпел и работал, когда уже наступил пенсионный возраст, хотел, чтобы всего его дети встали на ноги.

Я отвлекся. Так вот, к деду и бабушке Кузьмичевым начали приводить первого внука – его звали Сашок. Он был крепкий, полноватый, темноголовый, симпатичный на лицо. Меня он был на полтора года моложе, но по силе, энергии, заложенной в нас, мы были почти равны. И к тому же его мама, тетя Лида, была моя крестная. Трудно описать такую дружбу, когда понимаешь друг друга с полуслова, когда все время, проведенное вместе – как на одном дыхании, когда интересно одному и интересно другому. В общем, с Сашком мне повезло. Наша дружба длилась больше десятилетия, жаль, что теперь мы не общаемся... Он просто всегда был в моем детстве, а когда его не было рядом, всегда ощущалось его присутствие. Невозможно перечислить все игры, которые мы проигрывали с ним. Не влияло на это ни время года, ни погода, вообще никакие жизненные ситуации не мешали нам дружить...

Его семья жила далеко от нас, но я бывал у них дома даже маленьким. По-видимому, взрослые заметили нашу дружбу, а к мальчишкам и к дружбе у нас относились уважительно, и меня приводили к Сашку.

Помню, было нам лет по 6, он сказал, что появился ещё

мальчик, семья переехала откуда-то издалека, и купили дом неподалёку. Конечно же, мы сразу пошли посмотреть, это было на соседней улице.

Дом был старый, какой-то убогий, и кажется крыт под солону. Но нам было всё равно, нам нужен был мальчик. И он появился, маленький, какой-то немножко упрямый, с еле заметными азиатскими чертами. Его звали Борька, мы сразу познакомились и стали дружить.

Скоро семья Бори переехала в другой дом. Он был на трассе Воронеж-Саратов, в Конёнковом уголке, и так получилось, что все мы трое друзей жили в разных концах нашего села. Это совсем нам не мешало, для нас как будто не существовало мальчишек, которые жили рядом. Мы абсолютно дополняли друг друга.

Пожалуй, крепче мальчишеской дружбы вряд ли что ещё бывает на свете.

Мы всегда находили друг друга в свободное время, и если нельзя было встретиться втроём, играли по двое. Родители отпускали нас, в то спокойное время в деревне с детьми не могло случиться ничего плохого. Боря по возрасту был как раз между мной и Сашкой, и оказалось, все мы потом учились в разных классах.

Особенными в моем детстве вспоминаются осенние дни, когда убирали картошку. В этот день приводили из колхоза лошадь, от соседей приносили соху. Мой отец пахал, он был главным. Собиралось много людей, было весело. Жен-

щины и дети поменьше выбирали картошку из распаханых борозд, мальчишки постарше относили мешки с картошкой во двор, у нас говорили – на двор, и насыпали большую кучу. Все работали весело, очень напряженно, мы тоже сбивались с ног от усердия. Мама металась между полем и кухней, ей надо было после уборки всех накормить. Варили ту же картошку, делали салат из помидоров-огурцов. Мужчин было принято угощать водкой, женщинам тоже наливали по маленькому стаканчику. Они выпивали и морщились.

Помню, как-то попал на такую уборку друг моего отца дядя Витя (Михал Иванычев). Мне было тогда лет около 5.

– Юрка, сколько будет 3 плюс 5?

Я шептал губами и через время говорил: «Восемь».

Тогда дядя Витя спрашивал:

– А 7 плюс 4? – и зажимал мои пальцы, чтобы я посчитать не смог. Но я опять выдавал правильный ответ. Дядя Витя не унимался:

– Снимай ботинки. И на ногах пальцы держать буду.

Все удивлялись, а мне было приятно. Секрет был в том, что я складывал в голове, а пальцы рук и ног были ни при чём. Например, к 7 я четыре раза прибавлял по 1 и получалось 11. Я никогда не ошибался, сколько раз надо прибавить по 1.

Наша семья считалась умной. И нас считали умными детьми.

ЧАСТЬ 2

К тому времени, когда мне надо было идти в школу, мои старшие брат и сестра уже учились на отлично, а Наташа даже была уже и командиром дружины. Мне пришлось им соответствовать. Но, конечно, совершенно уникальным был мой брат Вовка. Он научился читать в 5 лет, не изучая ни одной буквы! Ему читали сказки, и он начал читать прямо с текста. Школьные учебники он прочитывал еще перед школой, их покупали где-то за неделю, и этого хватало, чтобы он их прочитал. И его памяти хватало, чтобы потом не учить уроки весь год. Он всё помнил с первого прочтения.

Маленьким, научившись читать, он читал все, что попадало под руку – газеты, инструкции и т. д. Доходило до того, что его заставляли с книгой ночью с фонариком под одеялом. И тогда моя семья не выдержала и Наташа написала письмо в Комсомольскую правду (или может, в Пионерскую – прим. автора) о том, что Вовка невероятно много читает. К нашему удивлению пришел ответ. В общих чертах там писали, что всё это очень хорошо. Это было в пользу моего брата, потому что ругать его после этого было как-то неудобно.

Но никто из нас не был и идеальным. Как-то, тоже при уборке картошки, Вовка где-то шлялся, пришел, когда все уже работали. Отец спросил: – Где ты был? Володя ответил – я был около столовой.

И тогда отец хлестанул его хворостинной, которой он по-

нукал лошадь, со словами:

– Чтоб я больше тебя там не видел! Там слоняются только алкоголики и бездельники!

Я это запомнил надолго, потому что нас в принципе не били за проступки.

А еще я помню, Наташа потеряла ключ от дома, и была за это наказана. Мы все сели обедать, а ее поставили в угол, чтоб не была такой рассеянной. Я помню, кусок не шёл мне в горло, так мне было её жалко. Но наказание есть наказание, надо было некоторое время, чтоб она постояла... И если поставил в угол отец, ни мама, ни бабушка выпустить не могли. Нужно было просить прощения у отца. Я всегда быстро просил, а Вовка был более упрямым и иногда мог простоять целый час. А если попросишь, то прощали, и потом даже хвалили – за покладистость. Не знаю, какую уж роль сыграли эти углы в нашей дальнейшей жизни – помогали или мешали. Но тогда это казалось естественным и правильным.

ЧАСТЬ 3. ЖИВОЙ БОГ БАБУНИ

Особенную роль в нашей жизни играла бабушка Настя, мама по матери. Мы звали её бабуня. Она прожила жизнь вдовой, сколько я помню, ходила всегда в чёрном. Но это она и подставляла всегда плечо, нас приводили к ней по всякой семейной необходимости.

Самое глубокое моё впечатление о бабуне из детства, это

то, что у неё был живой Бог. Она очень верила, и каждый день перед сном становилась на колени перед иконами и читала Отче наш, и наверно другие молитвы. А её Бог был живой, настоящий, я верил в него и даже, кажется, ощущал его во время бабушкиных молитв.

И теперь, когда я стою на службе, молюсь, в моей душе живой и настоящий Бог моей бабуни, мне легко теперь получается верить... Моя мама не любила поминать Бога всуе, часто ходить в церковь. Она как-то осуждала тех, кто много свечек ставит, много кланяется, а в душе, может, носит подлость. Но я думаю, в это время власть осуждала веру, и это сказывалось на простых людях, – вроде верили, а вроде и не очень...

Церкви у нас не было, вернее, их сперва было даже две, но потом советская власть обе разрушила. И верующим нашего села, чтобы посетить церковь, приходилось ездить в районный центр. И покрестили нас потом всей кучкой, вместе с двоюродными братьями и сёстрами – заезжий батюшка. Я этого не помню, был видно маленький, но стали мы все – христианские души.

Моя бабушка Настя вообще имела трудную судьбу, осталась после войны без мужа, на руках трое детей. Да ещё ей пришлось взять на воспитание 10-летнего племянника – д. Витю, потому что он остался сиротой. Его мама умерла 9 мая 1945 года. А позже ещё и пришлось взять в семью и младшую сестру – т. Нюру, родители состарились, не успели до-

растить. Так бабуня и подняла всех пятерых, и это в голодные послевоенные годы... Т. Валя, младшая её дочь, моя тётя, болела, а потом и умерла где-то лет в 25 от туберкулёза костей.

Как-то потом у бабуни отдыхал какой-то старичок проходящий, воды попил... Послушал её историю и сказал: ты лечи, от тебя людям легчать будет, ты много пострадала. И бабуня лечила: она выливала от испуга, умывала от сглаза, и от неё людям правда помогало. Теперь церковь не одобряет такое, а тогда как-то в бабушке всё это сочеталось – и святая вера, и это лечение. Но это уже совсем другая история...

ЧАСТЬ 4. РОЖДЕСТВО

И конечно, совсем нельзя не упомянуть из раннего детства о таком празднике, как Рождество. Он был совершенно чудесный и волшебный, этот праздник.

У нас всё было по-другому, чем это теперь я наблюдаю в пригороде Воронежа. Теперь дети колядуют вечером, перед праздником. Мы же – христославили. Нас, маленьких, поднимали в ночь Рождества рано, до первых петухов. Было темно, необычно, холодно, снег скрипел под ногами. В окнах домов везде горели лампы – ждали христославцев.

Мы ходили всегда с Володей, с братом. Заранее мы выучивали стих – Рождество, если дети его читали, то это было как бы очень почётно. Давали конфеты, печенье, монеты по 1

—5 копеек, и все были очень добрые. У нас была одна дальняя родственница, её звали Фёкла, она была родственница нашего отца. Так вот, к ней надо было прийти раньше всех, и тогда она давала по 50 копеек, – это было целое состояние.

Возвращались – уже начинало светать, с полными карманами конфет и мелочи.

И у нас существовал ещё один обычай – около многих домов хозяева выносили охапки сена или соломы и поджигали их. И тогда на всех улицах всё озарялось, можно было увидеть сразу много костров, идущих цепочкой по длинной улице, это было необыкновенно красиво. Это называлось – жечь пурину. Так отгоняли злых духов, чтобы они не проникали в дом.

Помню, когда мне было 5 лет, мы с Вовкой собрали больше 8 рублей – сумасшедшие деньги! И мы купили настоящие деревянные шахматы. Тогда же я научился этой игре, нас научил отец, и мы всегда играли с братом на равных.

В этот день в каждом доме готовилась вкусная пища, и ходили в гости. Начинались святки, вечером, когда в углах темно, взрослым не разрешалось работать. Мы, дети и мама обычно шли в гости к маминой сестре – тёте Марусе. Она нас всегда очень любила, вообще вся её семья отличалась какой-то особенной теплотой, вот уж действительно мы всегда там чувствовали, что мы – родные, родня.

На святки у них в доме собиралось вечером много соседей, начинали играть в лото. Играли на деньги, но по копей-

ке, недорого. Взрослые потом иронизировали об этом – выиграл, проиграл. Но нам, детям, всегда хотелось выиграть, и если получалось, то мы были очень рады. Сосед тёти Маруси, дядя Ваня, когда доставал бочонки из мешочка, то номерам присваивал смешные прозвища, например – 11 – барабанные палочки, 90 – дед, 89 – бабка, 41 – война и мир, а 19 – вообще Константинна горбатая. Это в честь какой-то горбатенькой бабушки.

Домой возвращались поздно, было темно, очень зимне, и меня маленького везли на санках.

Ну, а постарше, иногда мы с мамой ходили вдвоём, и она очень любила смотреть в звёздное небо. На нём мы находили созвездия – Большую и Малую медведицу, Стожары, Кассиопею и другие. Иногда мы видели, как между звёзд медленно проплывает маленькая звёздочка – спутник. Теперь, когда случается в тёмное время смотреть в звёздное небо, я всегда вспоминаю свою маму – она очень любила звёздное небо.

ЧАСТЬ 5. ГОРДЫЙ

Иногда кажется, живя в провинции, что все великие дела, значительные события, вообще жизнь бушует только в крупных городах, развитых странах, высоких слоях общества. Но если мир воспринимаешь глазами ребёнка, то он развивается вместе с тобой, вокруг тебя живут разные люди, со своими судьбами, страстями, событиями, жизнь кажется значи-

тельной и наполненной, и она всё усложняется с каждым годом твоей жизни. Ты помнишь, конечно, есть Париж и Нью-Йорк, много разных и удивительных стран. Но всеми своими органами чувств, своим мыслящим мозгом, своей душой ты понимаешь, что настоящая жизнь происходит здесь, происходит сейчас, и она значительнее для тебя, чем все события мира.

Несмотря на неплохую подготовку по арифметике, я очень не любил учить буквы, вообще не хотел учиться читать. И тогда мама и моя сестра придумали для меня – играть в школу. Играть – это совсем другое дело. Теперь я уже ждал этих занятий с нетерпением. Первое слово, которое я собрал из букв, было слово арбуз, правда, с буквой «с».

Первый день в школе помню плохо. Кажется, была линейка, читали стихи, приходили родители, поднимали флаг школы. Я как-то всё-таки не чувствовал значительности этого дня, не осознавал в общем-то, насколько это меняет мою жизнь. Помню только, одеты были как с иголки, и от этого волновались, и непривычно было стоять на этой первой линейке. В нашей школе, а я поступил в Дубовскую восьмилетнюю школу, было по два класса – А и Б, но полных, учеников по 25—28. Почему Дубовка? Так называлась часть нашего села, в которой я жил. У нас было и своё почтовое отделение – Дубовское. Интересно, что и другие деревни имели у нас красивые названия – Красовка, Лавровка, Поляна...

Народ у нас жил сельский, работающий, уверенный в се-

бе и даже немножко гордый. Позже я узнал, что крестьяне из села Старое Макарово были государевы, т.е. не подчинялись ни одному помещику, может, были только управляющие, и это я думаю, наложило отпечаток на моих земляков. Они были как бы менее угнетёнными.

И ещё вспоминается: мы – совсем маленькие, мне, может быть, 4, а Володе 6 лет. Однажды отец пришёл домой и принёс нам живое чудо. Мы аж задохнулись и боялись дышать. Это был щенок, он был чёрненький и глазки чёрные, он был живой и настоящий. Папа назвал его Гордый. Мы не знали, что нужно с ним делать, как играть, что можно а что нельзя. Помню, мне дали подержать его на руках. Я боялся разжать руки, чтобы не уронить его. Он был наш, мальчиков, и это нас наполняло неизъяснимым счастьем.

Породы он был смешанной – помесь немецкой и восточно-европейской овчарок. Из него вырос большой и красивый пёс, весь чёрного цвета, уши торчком, чёрные глаза светились умом и глубиной. Он был товарищем нашего детства и юности, жил долго, более 15 лет. Впрочем, однажды его жизнь оказалась на волоске. Он только-только вырос, был молод и резв.

В нашем дворе всегда было много животных. Были и козы, которых держали, чтобы получать от них пух. Дело в том, что наш край был центром по производству пуховых платков. Все наши женщины и девочки обязаны были уметь вязать, и всё свободное время никто не болтался, у каждой все-

гда можно было увидеть в руках вязальные спицы. Платки продавали на рынке и за них многие семьи получали дополнительный доход. У некоторых, как потом и в нашей семье, он становился потом практически основным.

И вот однажды, выйдя во двор, отец увидел, что одна из коз поранена, подрана, в крови. Долго искать не пришлось, стало ясно, что виноват в этом наш красавец пёс. Не помню точно откуда, мой отец не был охотником, но в руках его появилось ружьё. Козы приносят прибыль, судьба нашего пса была решена. И тут мой брат Вовка громко заплакал, сердце отца дрогнуло, да и мама заступилась. В общем, пса оставили жить. И не прогадали. Не было более верного служаки, чем этот пёс в нашей семье.

Пес вырос, поумнел и своих животных больше не трогал. Стоило курице забраться не туда, он начинал лаять визгливо, но стоило в дверь постучать чужаку, лай становился грозным, и мы возвращались из сада.

Как-то раз ранним утром по срочным делам к нам пришел дядя Саша, муж нашей тети Маруси. Гордый был не привязан. Дядя Саша его гладил и повторял: «Гордый, Гордый». Пес дружелюбно вилял хвостом, но стоило гостю протянуть руку к щеколде на калитке, чтобы войти и разбудить мою маму, пес вставал за задние лапы и начинал рычать. Дяде Саше так и пришлось ждать, когда мама сама проснется и впустит его.

А еще помню, приходили пастухи и просили продать им

Гордого, чтобы он помогал им пасти то ли коров, то ли овец. 100 рублей предлагали, тогда это были хорошие деньги. Но отец не продал. К тому времени он и сам полюбил нашего пса. Если Гордый был спущен с цепи, ночью он был страшен, большой, чёрный, люди боялись его и даже обходили по соседней улице.

ЧАСТЬ 6. ШКОЛА

– И всё-таки наступило время, когда я начал учиться в школе, в 1 классе. Моя первая учительница – Новокщёнова Анна Митрофановна. Она в то время была уже не молода, но достаточно энергична. Она жила на моей улице, и как потом оказалось, мы были где-то даже соседями, но мне в том возрасте казалось, что она живёт далеко, хотя это было через пять домов от нашего. За время младших классов мне вспоминаются два эпизода.

Первый – на уроках пения разучивали песню «Оренбургский пуховый платок». Почему именно в пользу этой песни Анна Митрофановна сделала выбор, до сих пор теряюсь в догадках. Но нам нравилось петь. И когда фальшивить стали меньше, песня зазвучала красивее.

Успеваемость у меня было неплохой, но вот с чистописанием возникали проблемы. И тогда сестра Наташа взяла на «буксир». Час, а может и два, я с большим старанием выводил буквы. Получался почти каллиграфический почерк.

Аж самому понравилось. И вот я на всех парах несусь в школу. В голове крутится мысль, что теперь-то по русскому языку у меня будут хорошие отметки.

Анна Митрофановна долго смотрела в мою тетрадь. Потом позвала к себе нашу отличницу Олечку Трунову. Оля была отличница, очень красивая девочка со смуглыми чертами лица, всегда очень собранная, в красиво подогнанной одежде. У меня всегда было особое отношение к ней, мы конкурировали в учёбе, она жила тоже на нашей улице. И если сказать честно, на протяжении 10 лет нашей совместной учёбы она мне очень нравилась. Да и у неё ко мне было какое-то особое, уважительное отношение, я это чувствовал.

– Как думаешь, это он написал? – спросила учительница Олю.

– Думаю, нет, – с честными глазами ответила она. То ли она старалась угодить нашей учительнице, то ли действительно так считала...

Как же так! Я так старался! Обиделся. И на Анну Митрофановну, и на Олю. И, не став спорить, молча ушел на свое место. Но после этого случая писать и вправду стал красиво. Все чаще в тетрадках появлялись пятерки. Я очень долго почему-то помнил этот эпизод. А в остальном мне нравилось ходить в свой класс. Ребята там были разные, но все они казались мне хорошими. Я думаю, у всех было такое – же ощущение.

Наверно, так рождается чувство сверстников, однокласс-

ников, чувство, которое порой сохраняется на протяжении всей жизни. Это как землячество. Бывает, если кто-то из класса поднимется высоко в жизни, то и подтягивает за собой других, доверяя им более, чем просто людям из окружающего мира.

Мне вспоминается ещё один мальчишка – Игорь Ширинкин, а по уличному – Пашанин. Он был самым сильным мальчиком в нашем классе. У мальчишек ведь обязательно надо перемериться силами, и выстроить иерархию – от первого до последнего. Он жил на 3-ем порядке (кажется, ул. Пионерская). И все мальчишки, которые там жили, были более сильные, крепкие, драчуны, и как у нас говорили – шпана. Но там же жила моя бабушка – бабуня. А поскольку я бывал там часто, то все эти пацаны – бандиты были и мои друзья. Помню, мы уходили за огороды, к оврагу, по ручью. В низине было влажно, росли какие-то огромные травы. Одна из них – чёрный паслён, мы называли его бзнюка, вырастала до 1,5 метров и давала огромную россыпь чёрных спелых ягод. Мы уплетали их за обе щёки, и всем хватало вдоволь.

Так вот, уединившись от взрослых, мы начинали играть в карты на деньги – в очко, в тёмную и какие-то игры ещё, не помню, кажется в секу. Денег у нас были медячки. Всё это казалось мне очень неприличным, но азарт затягивал, и играть нравилось. То ли это передавалось нам от этих святочных игр взрослых? Помню, как-то я проиграл все свои день-

ги. Игорь увидел, что я повесил нос. И тогда он отдал мне свои деньги, почти все, чтобы я мог играть, и не в долг, а просто так. Он был лидер в силе, а я в учёбе, мы уважали друг друга, и Игорёк даже старался мне всегда покровительствовать.

Впрочем, однажды в классе придумали игру – брать кого-то за ноги и раскручивать вокруг себя. Конечно, это не я крутил Игорька, а наоборот, он меня. Кончилось это тем, что я ударился головой об угол парты. Помню, меня отвели в больницу (фельдшерский пункт) и забинтовали голову. Я был как раненый партизан, даже немного важничал. На Игоря я не обижался, ведь мне и самому нравилось так играть.

ЧАСТЬ 7. ОТЕЦ

Один день, я учился во втором классе, запомнился особенно. Он фактически разделил моё детство на две половины. Но всё по порядку. Урок был обычный, середина дня, ничего особенного. И вдруг учительница отозвала меня и сказала – Юр, тебе надо пойти домой. Иду, ничего не понимая, наш дом от школы всего в пяти минутах.

В этот день нашу семью посетила беда – у моего отца случился паралич. По-нынешнему – инсульт. Он лежал в постели, я хлопал глазами, ничего не понимая. Вокруг суетились какие-то люди, родственники. Я был ещё маленьким, не понимал... Помню, мне налили стакан фруктового сока из 3-

хлитровой банки. В это время нам никогда не покупали сока и мне показалось всё очень вкусным и приятным.

На самом деле, в дальнейшем, мы уже никогда не жили так, как при здоровом отце – в наш дом стала прокрадываться нужда. Отец смог подняться, ходить, но хромать – левая нога еле ходила, а левая рука у него всегда висела, как плеть. Почему-то вспоминаются слова нашего старого врача – Георгия Фёдоровича. Как-то до этого он сказал моему отцу – тебе нельзя пить, тебя парализует. Он попал в точку. Не то, чтобы мой отец уж много пил. Но эта работа на комбайнах оставляла много времени. И тогда он прилачился плотничать – рубить дома.

А где работа в перегруз, там и выпивка. К обеду – наливают. Вечером после работы – ещё наливают. Мой отец был не из тех, кому можно было выпивать. Будучи добрым, трудолюбивым, отзывчивым – он был прекрасным человеком. Его очень любили у нас в деревне. Но это пока он был трезв. Если же он был пьян, от него совсем не было покоя. Он начинал придирается к маме, потом к старшей сестре. Об этом мало знали люди, всё доставалось семье, т.е. нам.

Чтобы не допускать большего скандала, мама забирала нас и уходила ночевать или к соседке, или к родне. Позже я узнал, что эту черту характера мама увидела раньше, и уходила от отца, когда у неё была только одна Наташа. Но потом отец приходил, просил прощения, и мама вернулась. Впрочем, в итоге ей пришлось прожить с моим отцом трудною

жизнь.

Как описать состояние нашей семьи, когда глава семьи – инвалид? Это какой-то другой что-ли воздух; это больше работы, и для мамы и для нас, детей, и совсем мало веселья и юмора, и совсем-совсем непонятные надежды на будущее...

Это как дом, у которого разрушается фундамент, или как дерево, у которого подгнивают корни. Мама конечно старалась закрыть нас от всех жизненных невзгод, старалась сделать так, чтобы нам незаметна была эта неполноценность нашей жизни по сравнению с другими людьми. Ей пришлось работать много, непрерывно. Мама работала намного больше, чем другие женщины. И это было долго. У неё не было ничего, кроме работы. И она вывела нас в люди, все мы получили высшее образование, поднялись, стали жить как обычные нормальные люди. Трудно передать мою благодарность моей маме – она вынесла всё.

Всё моё детство было очерчено этим обстоятельством – болезнью отца. Он стал абсолютно несчастным. Он не привык быть аутсайдером, он всегда был лидером – в центре дел, в центре людей – и вот всё это было перечёркнуто. Он старался всё равно найти какую-нибудь работу, то работал на колхозной весовой, но из-за болезни что-нибудь путал, и подрастающий мой брат Вовка брал часть этой работы на себя. То ночным сторожем в правлении колхоза, то на свеклопункте. Впрочем, долго он на таких работах не дер-

жался. И тогда начинал рубить дрова, загоняя себя, ведь был болен, и от этого ещё более несчастен. Теперь, когда папа был болен, если к нам приходили гости, он обязательно со всеми ссорился, и гости уходили, это конечно было трудно. Впрочем, наступило время, когда мы к этому привыкли, и как бы даже перестали обращать на это внимание.

ЧАСТЬ 8. РЫБАЛКА

Было одно занятие в моём детстве, которое абсолютно мне было интересно, не надоедало, можно даже сказать – наполняло душу – это рыбалка. Рыбачить мы начали, сколько себя помню. Мама, помню, говорила – Я понимала, что удержать вас на виду, у крылечка, больше не получится – вы вырастаете. И тогда она стала отпускать нас на пруды.

Это был какой-то волшебный процесс. Начинался он с вечера – мы с братом Володей шли копать навозных червей. Дождевых брать было нельзя – обязательно навозных, они яркие, красные, рыба быстрее их увидит. Мы брали вилы и шли к навозным местам – благо, у нас в деревне они были в каждом доме. Копали и собирали в банку из-под консервов. Накопать надо было достаточно. Иногда попадались личинки майского жука – белые, огромные, как червяки. Маленьких, они нас даже пугали, но позже стали делом обыденным.

После червей, не каждый раз, но довольно часто ставили на плиту париться пшеницу, или перловку. Варили дол-

го, чтоб не пригорело. Добавляли подсолнечное масло – для запаха. Запасали жмых. Ложились спать, я даже волновался и не мог сразу уснуть.

Утром просыпались по темноте, до рассвета. Даже так, желательно, чтобы успеть доехать по темноте, а на рассвете – уже размотать и забросить удочки, ведь на рассвете – самый клёв. Ехали на велосипеде, Володя крутил педали, а я сидел на раме. Иногда у меня всё пережимало, а ехали 5—7км, и тогда я спрыгивал с велосипеда и бежал рядом, пока не запыхаюсь. Брат притормаживал, я запрыгивал обратно, и вот мы уже опять мчались вперёд.

Подъезжали к пруду очень тихо, старались не шуметь, чтобы не спугнуть рыбу. Мы были увлечены, а в это время нашим юным глазам открывалась необыкновенная, потрясающая картина. От поверхности воды начинал подниматься вверх белый туман, как парное молоко. Горизонт неба розовел, разгорался всё ярче и ярче, до огненного. Природа замолкала, наступала абсолютная тишина. Даже лягушки ещё не начинали своих утренних концертов. И, словно напрягшись, солнце медленно, словно со скрипом, высывало из-за земли свой малюсенький золотистый краешек. Но процесс уже пошёл, полосочка яркого света становилась всё толще, всё мощней, всё ярче. И вот уже более половины нашего светила высывалась наружу, а потом солнце словно выпрыгивало над горизонтом, абсолютно преображая мир, в котором мы живём – от ночного сумеречного – в яркий, сияющий

и блистающий всеми красками молодой утренней природы.

Мы возились с удочками, перебрасывали, меняли наживку, было прохладно, а иногда, обрызгавшись, нас пронизывала дрожь. Мы конечно терпели и очень были напряжены, всё внимание к поплавкам. Этот инстинкт охотника, рыбака, добытчика живёт в каждом мальчике, просто в деревенском он проявляется в контакте с природой.

Клёв был разный, в разных прудах, в разное время года. Особенно ценно было при плохом клёве умудриться и потаскивать потихонечку всё-таки рыбу. Ловили мы больше карасей, редко цеплялись карпятя. Иногда ловле мешала местная бернота – маленькая рыбёшка, похожая на мелкую кильку.

Часа через два утренний аппетит пригонял нас к запасам из дома. Всё было особенно вкусно – и молоко, и варёные яйца, и сало, и огурцы и помидоры. Но сразу мы старались перехватить немного, всё-таки ценили утренний клёв. А если еды не было – в ход шёл обычный хлеб! Ох уж этот обычный хлеб, на рыбалке он становился невероятно вкусным!

На него и ловили, скатывали катышки, сажали на крючок. Его и ели, засохший, потрескавшийся, обломанными кусочками. Ничего я не знаю вкуснее того рыбацкого хлеба.

Когда солнце начинало припекать, снимали тёплую одежду, потом раздевались позагорать. Тогда мне можно было всю загорать. А когда солнце напекало, становилось жарко, раздевались до трусов и бежали купаться. Дно в прудах обычно илистое, это не городские песчаные пляжи. Ноги по-

грузались в ил почти по колено. Но нам это было всё равно, мы начинали плавать, брызгаться, шалить, всё было весело и как-то невероятно радостно. А после купания, вот уже тогда мы плотно прикладывались к нашим харчам, как у нас назывались тогда продукты. Не передать того позитива, того прекрасного настроения, которое наступало после еды.

В жизни можно добиться разного: материального благополучия, прекрасной карьеры, но редко ощутишь ту неподдельную, какую-то настоящую, глубинную радость от общения с природой, от своего улова, от вкусной пищи... Даже от усталости и недосыпа. Можно потом заказать в лучших ресторанах дорогие и изысканные блюда, но не получить той искренней радости простых продуктов, свежего воздуха, зелени и детства.

Возвращаться надо было по времени, так требовала мама. Но всегда как-то не могли уложиться. И тогда она волновалась, выходила на дорогу, ждала нас. Возвращались очень усталые, но обычно довольные. Потом жарили карасей – у нас всегда было отличное душистое подсолнечное масло, зажаривали до золотистой корочки. Такую рыбку очень любила Наташа, сестра. Она тогда ела прямо горячую, долго, вкусно, с аппетитом.

И, конечно, вспоминается моя первая рыбалка с ночевкой. Кажется, я тогда закончил 6 класс. Мама отпустила меня с двоюродным братом Сашей. Саша в детстве был необыкновенный, редкий. Он был сын сестры моего отца –

тёти Наташи. По возрасту – между мной и Володей. Естественно, наша троица часто играла вместе, очень любили оставаться на ночь у тёти Наташи.

Так вот Саша – он умел делать то, что не умели другие дети, которые были рядом со мной. Так, однажды вырыл в саду землянку. Она была наполовину в земле, а наполовину высовывались стены из деревянных реек, сверху крыша от дождя. Получился настоящий блиндаж. Для нас, мальчишек, это было настоящее чудо, невероятно интересно.

В другой раз он сделал лук – настоящее оружие. Он взял отрезанный от косы стальной прут, согнул и натянул лук с помощью стального тросика. Из электродов Саша сделал стрелы, заточив их концы. Такая стрела пробивала доску 3см. С таким луком можно было идти на настоящую охоту. С таким надёжным парнем мама конечно меня отпустила, но сказала, чтобы мы ночевали на полевом стане, в 3-й бригаде, там до болезни работал мой отец – там будет повар и сторож дядя Паша, он вас покормит и даст ночлег.

Да, если бы кто-нибудь пошёл к дяде Паше – никогда так не было.

Мы пришли к пруду, когда уже стемнело. Да к тому же начался дождь. Неподалеку заметили стог сена. Саша тут же смекнул: будем делать шалаш. В стогу мы сделали некое подобие норы и уютно в ней разместились. Дождь становился все сильнее. Крупные капли, конечно, же пробивались сквозь солому. Мы мокли, но нам казалось, что мы устрои-

лись очень даже неплохо.

Часа через полтора дождь стал стихать. Выбрались наружу. Вокруг темнота, хоть глаз коли. Саша достал коробок со спичками, который он сберег от дождя. Долго мучились с мокрыми ветками, пытаясь развести костер. И последней спичкой нам это удалось! Костер весело запылал и осветил все вокруг. Из сухой соломы мы сделали лежанки и разместили у огня. Мы стали согреваться и подсыхать. Было хорошо лежать у костра и смотреть на угли. Так мы скоротали время, на рассвете уже рыбачили. Я был счастлив! Впервые в жизни ночевал без своих родителей.

ЧАСТЬ 9. САВАЛА

В тот же год, когда заболел мой отец, и когда я закончил второй класс, нас отправили отдыхать в пионерский лагерь. Помню, толпились, долго проходили медкомиссию.

Лагерь находился в соседней деревне – Красовке. Там было красиво – вокруг сосновый бор, необыкновенный запах сосновой смолы. Нас поселили кубриком целым отрядом, человек 20—25. Помню, в первый же день купались под струями фонтанов.

Воспитатели не особо были строги с нами. Было очень много интересного – и зарница, и поиск сладкого дерева. Помню, я участвовал в конкурсе костюмов. Из меня сделали чертёнка, шапочка с рожками, бахрама на ногах. И самое эффектное – расписали лицо коричневой краской. Я занял 3-

е место и мне вручили приз – маленькую птичку-погремушку. Я был очень счастлив. Потом Бердников Саша из нашего отряда просил подарить ему эту птичку, т.к. у него была маленькая грудная сестрёнка. Но мне было очень жаль приза, я не отдал, Саша был года на два старше меня и не обиделся.

Впрочем, где-то через неделю мальчики и девочки посчитали, что в лагере становится скучно и начали разъезжаться. Я остался до конца, ну и не пожалел – самое интересное всё происходило во второй половине нашего потока.

А ещё интересно, что тогда впервые в жизни у меня появилась девочка. Вечером у нас были танцы. Кажется, её звали Наташа. Плохо помню, как она выглядела, она сама меня выбрала. У меня был красивый свитерок, я надевал его, мы брались за руки и шли на танцы. Кажется, танцевали. Впрочем, вряд ли я тогда умел это делать. Помню, когда я вернулся, то рассказал об этом девочкам моего класса, что и были моими соседями по улице. Помню, им это совсем не понравилось, и они стали по-всякому искажать её фамилию.

Мама приезжала меня проведывать, привозила вишни, конфеты. Забирала меня из лагеря на некоторое время, и привозила на речку, на турбазу. Так называлось место в лесу, где протекала наша любимая речка – Савала. Пляжик был песчаный, песок для этого специально привозили. А на берегу росли огромные дубы, расположенные редко, негусто, и от этого место казалось ещё более красивым.

Сама речка была невероятно чистой и прозрачной, во-

да чистая, словно в колоде. Наша речка впадала в Хопёр, а Хопёр признавался самой чистой рекой Европы по данным ЮНЕСКО. Потому что только в Хопре выжил древний зверёк – выхухоль, живя на земле более миллиона лет, он может жить только в абсолютно чистой воде.

Ну и кроме того, в речке цвели белые лилии и жёлтые кувшинки, создавая какую-то неповторимую красоту. Иногда парни плавали за лилиями для своих девушек. Из стебля, отламывая определённым образом, получались как бы две прерывистые верёвочки, и лилия вешалась на грудь девушки, отчего она, и как красивая, становилась просто ослепительной.

Там раньше действительно была построена турбаза, но потом домики были заброшены.

Место настолько красивое, что и теперь, если случится бывать в Листопадовке летом, мы обязательно приезжаем на турбазу. Более великолепного купания я больше не встречал в своей жизни. Вода прохладная, бодрящая даже в середине лета, родниковой чистоты, я думаю её можно пить.

Лагерь мне запомнился, но как и всё хорошее, пролетел быстро...

Было и другое место на речке Савале, где мы любили купаться – у моста. Если ехать по трассе Воронеж-Саратов из нашего села в Красовку, то, спустившись с горы, попадаешь сразу на мост. Мы приезжали обычно на велосипедах. Сама по себе речка Савала небольшая, но в районе моста она

довольно широкая – более 20 метров, и глубина в середине – не менее 10м. Вода очень быстрая, и сперва казалось, что переплыть её очень трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.